

О.В. РОМАНЬКО

НОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ О КРЫМСКИХ ПАРТИЗАНАХ: КОЛЛЕКТИВНЫЙ ПОРТРЕТ НА ФОНЕ МИФОВ И НЕКОМПЕТЕНТНОСТИ

Рец. на кн.: Поляков В.Е. Страшная правда о Великой Отечественной. Партизаны без грифа «Секретно». – М.: Яуза-пресс, 2011. – 448 с.

В истории Второй мировой войны есть проблемы, которые, наверное, никогда не потеряют своей актуальности. Перейти в разряд просто историографических фактов им не дают контрверсийность мнений, неослабевающий интерес исторической науки и состояние современного общества. Партизанское движение на территории Крыма, вне всякого сомнения, относится к числу таких проблем. И причин здесь несколько. Во-первых, существует не так уж много работ, посвященных всем аспектам борьбы крымских партизан. Более того, почти все они написаны еще в советское время и имеют ярко выраженную идеологическую направленность. Во-вторых, связь партизанского движения с еще одной неоднозначной проблемой истории Второй мировой войны – коллаборационизмом – выводит его за рамки чисто научной темы. Для Крыма эта связь очень актуальна, так как именно из-за обвинений в противодействии партизанам и за поддержку оккупационного режима с территории полуострова был выселен целый ряд народов.

Таким образом, тема партизанского движения на территории Крыма имеет, как научную, так и общественно-политическую актуальность. Поэтому, не удивительно, что к ней постоянно обращаются исследователи разного уровня и с разной степенью успеха.

Одним из таких авторов является крымский краевед, кандидат исторических наук В.Е. Поляков. До недавнего времени он был известен в качестве специалиста по истории симферопольской топонимики [1]. С определенного момента В.Е. Поляков стал активно публиковать статьи на тему партизанского движения и истории Крыма периода немецкой оккупации [2]. А в 2007 г. на страницах газеты «Голос Крыма» он заявил, что готовит обобщающую работу о крымских партизанах, «которая, возможно, станет докторской диссертацией» [3]. И вот летом 2011 г. московское издательство «Яуза-пресс» выпустило книгу В.Е. Полякова «Страшная правда о Великой Отечественной. Партизаны без грифа “Секретно”». Надо понимать, что под этим броским заголовком и скрывается будущая диссертация [4].

Жанр книги немного неясен. Что это – публицистика или научная работа? После ознакомления с текстом можно сделать вывод, что «Страшная правда» написана в публицистическом ключе. Однако в конце книги сказано, что это научно-популярное издание, также имеется справочный аппарат, анализ источников и литературы и прочие атрибуты научности. Поэтому, отнесемся к ней, как к полноценной научной монографии.

Предметом исследования В.Е. Полякова является партизанское движение на территории Крыма. Однако цель своей работы автор не сформулировал. Будем считать, что она указана в аннотации к книге: проанализировать историю этого движения, основываясь «не на пропагандистских штампах, а на впервые опубликованных архивных документах» (С. 4, здесь и далее все ссылки приводятся по указанному изданию). Что ж, цель очень глобальная. Фактически, В.Е. Поляков взялся за работу, которую до него никто не делал. Можно даже сказать, что у автора новаторский подход. Тем не менее, это единственное достоинство книги. Далее, к сожалению, – просто вопиющее несовпадение заявленной цели и средств ее достижения.

На страницах 234-263 у В.Е. Полякова находится глава «Обзор литературы о крымских партизанах», в которой он анализирует историографию и источники по проблеме. Хотя, логика написания научной работы требует, чтобы такой анализ был дан перед основным материалом, а не после, это не основной недостаток данной главы. Во-первых, ее текст начинается с очень многозначительной фразы: «Вся литература и источники о крымских партизанах представлены в самых различных документах» (С. 234). Что имел в виду В.Е. Поляков, понять сложно. На наш взгляд, вывод напрашивается сам собой: кандидат исторических наук не понимает разницы между источниками и литературой. Обычно, это знает любой студент исторического факультета уже на первом курсе. Поэтому, глава представляет собой, по сути, мешанину из описания архивных материалов (С. 234-235), литературы (С. 235-240), мемуаров участников событий (С. 240-250) и прессы. Причем информация о последней выделена, почему-то, в самостоятельный параграф (С. 251-263).

Во-вторых, В.Е. Поляков или делает вид, или действительно уверен, что впервые пишет историю партизанского движения на

территории Крыма. И правда, если посмотреть примечания к «историографической главе», то такое впечатление может сложиться: в них, практически, одни работы, опубликованные в советское время. Большую часть той литературы, которая выходила по предмету его исследования на протяжении последних пятнадцати лет, он, фактически, не знает. Например, из всего множества работ по истории полуострова периода оккупации, которые написал автор данной рецензии, В.Е. Поляков приводит только одну, в которой Крым не упоминается вообще [5]. То же самое можно сказать о монографиях и статьях таких историков, как А.В. Мальгин, Е.Б. Мельничук, В.Н. Пашеня, М.И. Тяглый и др. – он или не знает их вообще, или пользуется устаревшими изданиями. И это только работы крымских авторов [6]. Известна ли автору литература, выходившая за пределами Крыма? Вопрос, фактически, риторический!

В-третьих, по сути, в этой главе вообще нет никакого анализа историографии. В.Е. Поляков просто добросовестно пересказывает содержание тех книг, которые ему удалось найти. Ошибка – общая для всех, кто не имеет базового исторического образования и не понимает, что такое историография. Судя по всему, неизвестно это и автору – выпускнику симферопольского Автодорожного техникума.

В-четвертых, собранный автором корпус источников явно недостаточен для раскрытия такой масштабной темы. В.Е. Поляков использовал материалы только Государственного архива в Автономной Республике Крым (ГААРК). На наш взгляд, для создания полной картины партизанского движения на территории полуострова было бы целесообразным привлечь документы, как минимум еще из российских и немецких архивов. Можно, конечно, сказать, что эти документы «являются недоступными для отечественного исследователя», как писали в советское время. Но, тогда, и не стоит

браться за такую серьезную и комплексную проблему. Ведь принцип объективности в исторической науке еще никто не отменял, а он не действует без учета различных точек зрения. Кстати, даже во вполне доступном крымском архиве В.Е. Поляков изучил только три фонда, которые непосредственно связаны с партизанским движением. Судя по всему, ему неизвестно, что в материалах по смежной проблематике тоже может быть много полезной информации. Поэтому, для сведения автора сообщаем: так называемый «архив оккупации» в ГААРК насчитывает почти 260 фондов [7].

В-пятых, В.Е. Поляков, все-таки, собрал довольно большой корпус источников по проблеме. Пусть этот корпус не совсем репрезентативный, но какие-то ограниченные задачи с его помощью решать можно. Тем не менее, после ознакомления с текстом работы приходится констатировать, что историография – не единственный пробел в знаниях кандидата исторических наук. С источниковедением он также не знаком. Так, им принимается на веру все, что написано в архивных документах, без всякой критики. О том, что любой факт, содержащийся в одних источниках, надо перепроверять по другим, автор, по всей видимости, не знает. Все свои документы и материалы он, как правило, использует иллюстративным способом (в книге много пространных цитат, с совершенно ненужной информацией). По сути, этим В.Е. Поляков подменяет вдумчивый, кропотливый анализ. Тогда как, даже самые богатые документальные иллюстрации не способны заменить аналитики. Это – азбука исторической науки. Но, по-видимому, она непонятна амбициозному исследователю.

Подчеркнем, что в работе В.Е. Полякова нет полноценного историографического анализа. Поэтому, он не знает, что надо освещать в работе, а что за него уже сделали его предшественники. Отсюда – нечеткая структура книги. В целом, она состоит из вступления, тематического блока и списка

сокращений. Тематический блок можно условно разделить на две неравноценные части. Собственно, «страшной правды» о крымских партизанах хватило только на половину работы (С. 5-233). Далее идет часть, состоящая из отдельных статей В.Е. Полякова, которые были опубликованы им в разные периоды в крымской прессе (С. 234-417). Они не связаны между собой и, фактически, не имеет логической связи с первой частью книги. Некоторые, как, например, «Судьба православной церкви в годы оккупации Крыма» (С. 352-361), вообще не имеют отношения к заявленной теме исследования. Скорее всего, автор по требованию издательства «нагонял» объем и поместил во вторую часть книги все, что ему попало под руку. Поэтому, по тексту очень часто попадают слова «статья», «в статье», которые он «не вычистил».

В своей работе В.Е. Поляков добросовестно описывает историю партизанского движения на территории Крыма. Однако все это неоднократно было написано до него другими историками. Никакой особенной новизны здесь нет. В принципе, содержание книги можно уместить в одной фразе: «Все рядовые партизаны – хорошие и героические, все их центральное руководство – плохое и некомпетентное, а лучше всех партизанили крымские татары, которых потом необоснованно депортировали». Тем не менее, данный подход является явно недостаточным, чтобы проанализировать такое сложное явление, как советское партизанское движение вообще и его крымская составляющая – в частности. Любая научная проблема состоит из ряда аспектов, без изучения которых понять ее невозможно. Имеется подобная методология и для проблемы под названием «партизанское движение». Как правило, его история – это взаимоотношения на данной территории трех сторон: собственно, партизан, оккупационных структур и местного населения.

книги и совершенно не проанализировал (С. 16-119, 137-233).

Историю партизанской борьбы на полуострове принято делить на три периода (ноябрь 1941 – октябрь 1942, октябрь 1942 – июль 1943 и июль 1943 – апрель 1944 г.). В данном случае, главным критерием выделения того или иного периода является форма руководства партизанским движением [10]. На наш взгляд, это – наиболее целесообразная классификация, в рамках которой можно раскрыть все перипетии его непростой истории. В книге В.Е. Полякова какая-либо периодизация отсутствует в принципе. Есть просто некая последовательность событий, которые он излагает без всякой системы, нарушая, порой, внутреннюю логику своего текста. Иначе, зачем было вставлять в него пространственные отрывки о формировании и боевом пути четырех крымских дивизий (август 1941 г.) или делать целые главы о разгроме Крымского фронта и обороне Севастополя (май – июль 1942 г.) (С. 24-28, 119-137)? В данном случае опять напрашивается вывод, что «страшной правды» о крымских партизанах явно не хватало. Кстати, последняя глава первой части книги называется очень кратко: «1943 год». Однако речь в ней идет о заключительном этапе партизанского движения и об окончании оккупации полуострова, которая, как известно, наступила в апреле – мае 1944 г. Все-таки, в научных работах надо выбирать более адекватные названия.

Это, конечно, может показаться неправдоподобным, но в монографии кандидата исторических наук В.Е. Полякова отсутствует такой важный элемент структуры любого научного исследования, как заключение! Собственно, его повествование о крымских партизанах обрывается на моменте их входа в Симферополь. Никаких выводов по всему тому, что он написал на предыдущих 230 страницах, автор не делает [11]. Непонятно, каков был итог почти четырехлетней борьбы крымских партизан

– ни качественных, ни количественных характеристик этой эпопеи В.Е. Поляков не приводит. Более того, после прочтения книги читатель даже не сможет узнать, сколько всего человек прошло через партизанские отряды с 1941 по 1944 г. Хотя эта цифра общеизвестна – свыше 12 тыс. человек [12].

В.Е. Поляков, все-таки, более-менее правильно описывает основные события истории партизанского движения на территории Крыма. Тем не менее, нельзя сказать, что он знает и понимает время, о котором пишет. Его партизаны действуют как бы в безвоздушном пространстве, а все то, что творилось вокруг них с 1941 по 1944 г., автор вообще не показывает, даже реферативно. Например, о главном враге партизан – немецком оккупационном режиме – В.Е. Поляков, похоже, не имеет понятия. В данном случае следовало бы ответить на такие вопросы: (а) что представляли собой этот режим и его силовые структуры, (б) какие методы борьбы с партизанами они использовали, (в) какие факторы влияли на эту борьбу, и (г) какие, наконец, были итоги этой борьбы. Из книги, в принципе, об этом ничего нельзя узнать. Нельзя узнать даже, что такое немецкий оккупационный режим вообще, и какие его органы и как боролись с партизанами [13].

И здесь у В.Е. Полякова много путаницы в специальной терминологии. Так, он пишет о какой-то «военно-полевой жандармерии» (С. 81)?! В Вермахте существовали полевая жандармерия и тайная полевая полиция. Какую структуру из них имеет в виду автор, понять сложно. На той же странице В.Е. Поляков «вводит в научный оборот» интересный факт. По его словам, немецкая армия могла воевать только с регулярными частями противника, а борьба с партизанами – это прерогатива специальных служб, например, СС. Судя по всему, ему неизвестно, что в Вермахте существовали свои структуры, которые боролись с партизанами – охранные дивизии. А большая часть войск СС воевала, как раз, против регулярного противника. Наконец,

если в Крыму вообще не было эсэсовцев (это установленный факт), кто же тогда боролся с крымскими партизанами?

В целом, то же самое можно сказать и о второй стороне, с которой приходилось иметь дело партизанам. Это – гражданское население. Чтобы охарактеризовать их отношения, недостаточно констатировать факт, что «население целиком поддерживало партизан», как писали в советское время. Или написать, что не поддерживало вообще, а боялось и ненавидело, как зачастую пишут сейчас. Эти отношения также представляли целый комплекс, который зависел от ряда факторов. А именно: (а) национальный и социальный состав населения данной территории, (б) межнациональные отношения, если население было национально неоднородным, (в) его отношение к оккупационному режиму и партизанам, (г) причины и последствия такого отношения [14].

Крым – многонациональный регион. И вышеприведенная схема подходит ему больше всего. Тем не менее, у В.Е. Полякова практически нет информации о взаимоотношениях советских партизан и крымского населения или она крайне фрагментарна. Все их многообразие сведено у него к «татарскому вопросу». В целом, это, конечно, оправдано, но не является исчерпывающим.

Сейчас уже не секрет, что связующим звеном между проблемами «партизанское движение», «оккупационный режим» и «мирное население» является проблема коллаборационизма. Изучая историю партизанского движения, просто невозможно обойтись без анализа сотрудничества местного населения с оккупантами. По сути, его отношение к партизанам является обратной стороной готовности к коллаборационизму. Для крымчан этот вопрос имеет не только отвлеченную академическую актуальность. Взаимосвязь проблемы коллаборационизма с национальными отношениями вообще и «татарским вопросом» – в частности,

придают ей современное общественно-политическое звучание. В.Е. Поляков это, конечно, понимает. Поэтому целая глава в его книге называется «Татарский вопрос» (С. 390-443).

В этой же главе дана концепция автора по проблеме коллаборационизма советских граждан (и в Крыму, в том числе). На наш взгляд, после всего сказанного, было бы логичным ожидать, что он осветит ее хотя бы реферативно, опираясь на монографии и статьи современных исследователей. Однако приходится констатировать, что уровень знаний В.Е. Полякова об этой болезненной, но крайне важной теме, находится весьма низко. Все данные, которые он приводит, были опубликованы еще в советское время. Понятно без комментариев, какова степень их достоверности.

Автор продолжает путаться в специальной терминологии. Мы понимаем, что в научной рецензии несколько некорректно выражать эмоции, но рассуждения В.Е. Полякова о терминах «доброволец» и «легионер» могут вызвать только смех! Его пассаж об этом заслуживает того, чтобы быть приведенным полностью. Итак: «Надо признать, что благодаря не очень добросовестным публикациям на эту тему термин “доброволец” совершенно неправильно ассоциируется именно с крымскими татарами, хотя в действительности в годы оккупации он касался исключительно русских военнослужащих, которые добровольно пошли на службу Германии. Для крымских татар более распространенным был термин “легионер”. Подмена понятий не случайна, и от нее сильно пахнет провокацией, так как число русских добровольцев в Вермахте на порядок превышало число крымско-татарских коллаборационистов» (С. 397). Не знаем, в чем тут автор усмотрел провокацию, однако от его рассуждений «пахивает» самым обыкновенным невежеством! Термин «доброволец» в равной степени

применялся ко всем советским гражданам, которые пошли служить под знамена Третьего рейха. А вот термин «легионер» имел ограниченное употребление: так могли называться только те, кто служил именно в национальных легионах. К сведению В.Е. Полякова надо сказать, что «Крымско-татарский легион» не существовал, и это уже давно установленный факт. Зато в Федеральном военном архиве ФРГ более чем достаточно фондов и дел, в документах которых словосочетание «крымско-татарские добровольцы» упоминается очень часто [15].

По страницам книги В.Е. Полякова «гуляют» «грузинские части Русской освободительной армии», «крымские мусульманские комитеты», «разведорган “Вили”» (правильно – «Валли») и т.п. порождения его авторской фантазии (С. 200, 399). Все это – явный признак некомпетентности и низкого общетеоретического уровня.

Поэтому, весьма странно, что, не понимая основ проблемы, он берется судить о ее частном проявлении – крымско-татарском коллаборационизме. Вследствие этого, более неудачную главу в книге В.Е. Полякова, чем «Татарский вопрос», найти трудно: и по структуре, и по содержанию излагаемого материала. Если посмотреть на цель этого изложения, то она очень проста: он пытается опровергнуть миф о массовом коллаборационизме крымских татар. Система доказательств тоже весьма проста. Если писать тезисно, то она выглядит так: (а) массовых коллаборационистских настроений среди крымских татар не было, (б) нетатарский коллаборационизм был более масштабным, чем крымско-татарский, (в) крымских татар, которые служили в Вермахте и полиции, было значительно меньше, чем 20 тыс. человек.

Первый тезис выглядит очень «оригинально», так как никто из серьезных историков уже давно не утверждает, что коллаборационистские настроения были массовыми среди какой-то этнической

группы. И крымские татары в данном случае – не исключение. Как правило, активные сторонники и противники оккупантов составляли процентов по десять на каждой территории и у каждого народа. Остальные – пассивная масса, за которую и шла борьба, идейная и вооруженная. Просто исторически так сложилось, что именно у крымских татар эти настроения проявились наиболее концентрированно и «своевременно» для оккупационного режима. Если же о массовом коллаборационизме говорит кто-то из журналистов или политиков, то к науке это не имеет никакого отношения.

Тезис о том, что нетатарский коллаборационизм был более значительным, чем татарский, выглядит просто голословным утверждением на фоне познаний автора о проблеме коллаборационизма вообще. О его уровне владения этой темой было уже сказано выше. Здесь можно задать только один вопрос: как В.Е. Поляков может утверждать, что такой-то коллаборационизм был более масштабным, чем другой, если он вообще не приводит никаких сравнительных цифровых данных или хотя бы ссылок на источники? Полагаем, что этот вопрос также останется риторическим. Интересно отметить, что источниковой базой в данном случае ему служат выдержки из немецких пропагандистских газет. Причем, цитаты подобраны явно тенденциозно, с целью показать, что русский коллаборационизм был самым массовым. При этом в число русских зачисляются казаки, которые всегда считались отдельной категорией коллаборационистов (С. 394-397).

Наконец, тезис третий. По ходу повествования В.Е. Поляков неоднократно пеняет автору рецензии и московскому историку И.В. Пыхалову, что они, образно говоря, помогают создавать мифы вокруг проблемы крымско-татарского коллаборационизма (С. 407). Например, его очень смущает цифра в 20 тыс. крымско-татарских добровольцев, сражавшихся на

стороне нацистской Германии. Следует сказать, что это личное дело В.Е. Полякова – верить или не верить в эту цифру. Однако, указанные авторы, по крайней мере, пишут, как и почему они к ней пришли. Добросовестный историк-профессионал, который не согласен с позицией оппонента, должен, хотя бы, привести свою точку зрения. То есть, дать свою цифру крымско-татарских коллаборационистов. На страницах 407-415 В.Е. Поляков пытается это сделать, опираясь на данные «Книги памяти Республики Крым» (Симферополь, 1994), в которой перечислены погибшие и пропавшие без вести жители полуострова. Сначала он пишет, что именно последняя категория могла пополнить ряды коллаборационистских формирований. Далее. Если верить его подсчетам, то за период с августа по ноябрь 1941 г. пропавших без вести крымских татар было всего 1290 человек. На этом основании В.Е. Поляков делает вывод, что и коллаборационистов, значит, было в 15,5 раз меньше (С. 415). В данном случае, во-первых, мы имеем дело с явной логической ошибкой, так как не факт, что все, кто пропал без вести, стали коллаборационистами, и – наоборот. Во-вторых, автор приводит данные за четыре месяца 1941 г., а крымско-татарские коллаборационистские формирования существовали до мая 1945, и набор в них продолжался до самого конца войны. И, в-третьих, на наш взгляд, базовым источником для подобного рода подсчетов могут служить только аутентичные немецкие документы. А при их изучении, как раз и получается, что крымско-татарских военных коллаборационистов было от 15 до 20 тыс. [16].

Интересен вывод, который В.Е. Поляков делает из своей «татарской главы». По его словам, миф о коллаборационизме был только поводом, и крымских татар депортировали бы при любом исходе событий. Дело в том, что советское руководство еще с 1920-х гг. задумало создать в Крыму еврейскую республику, и крымские

татары оказались лишними на территории полуострова. В подтверждение своих слов автор приводит пространную цитату без начала и конца, взятую с какого-то сомнительного интернет-сайта (С. 402-405). При ближайшем рассмотрении удалось выяснить, что эта цитата из книги Ж.А. Медведева (о чем В.Е. Поляков не знает), но в ней и речи даже нет о том, что крымские татары выселялись для того, чтобы на их место приехали евреи [17]. Хочется спросить у В.Е. Полякова, зачем он это написал? Неужели ему непонятно, что от таких утверждений гораздо сильнее «попахивает провокацией», чем от перепутанных терминов «доброволец» и «легионер»?

Следует подчеркнуть, что некомпетентность автора не ограничивается исключительно партизанско-коллаборационистской тематикой. В книге много просто ошибок, заблуждений, сознательного искажения исторических событий, неподтвержденных научно, но принятых безоговорочно, версий и даже явных глупостей. О некоторых из них было сказано выше. Здесь мы остановимся только на наиболее вопиющих. Так, первые полки регулярной армии Петра I назывались Преображенский и Семеновский, а не Преображенский и Михайловский, как у В.Е. Полякова. КГБ действует у него уже в 1946 г., тогда как общеизвестно, что эта организация была создана в 1954. Утверждение о том, что германская военизированная организация «Стальной шлем» стала «дрожжами, на которых взошел нацизм», является весьма спорным. Иначе бы ей не разрешили возродиться в 1951 г. Генерал А.А. Власов не был кавалером одного из первых орденов Ленина. Этот орден возник 6 апреля 1930 г., а Власов получил его только через десять лет – 22 февраля 1941 г. То же самое можно сказать и о награждении этим орденом известного анархиста Н.И. Махно. До сих пор это событие не подтверждено ни одним документом. Заблуждается В.Е. Поляков и насчет того, что итальянцы не воевали в

Крым в период Второй мировой войны, тогда как факт присутствия их ВМС на Черном море общеизвестен (С. 43, 132, 267, 280, 335).

Оформление книги – отдельная тема. Сразу видно, что она выполнена именно в «авторской редакции», как об этом написано на одной из последних страниц. Справочный аппарат оформлен крайне неудобно. Библиографическое оформление использованной литературы – нечто особенное. В.Е. Поляков очень часто «опускает» такие важные аспекты библиографического описания, как год издания, название издательства, количество страниц. По тексту книги видно, что автор активно полемизирует с другими историками, однако ссылок на их работы нет. Они даже не упоминаются в списке литературы, которого, кстати, тоже нет. Хочется верить, что докторская диссертация В.Е. Полякова, будет написана, все-таки, по общепринятым в научном сообществе стандартам, а не в «авторской редакции».

Подводя итог сказанному, приходится констатировать, что автор не достиг поставленной перед собой цели. Комплексной картины партизанского движения на территории Крыма не получилось. Каковы же причины этого? Во-первых, В.Е. Поляков явно не владеет теми качествами, которые отличают дилетанта от профессионального историка. Должной общетеоретической подготовки и того, что называется академической культурой, у него нет. Далее. История – тоже наука, вполне самодостаточная, со своей методологией и принципами познания. К сожалению, выпускник Автодорожного техникума со степенью кандидата исторических наук этого не понимает. Во-вторых, В.Е. Поляков практически не знает литературу по проблеме. А его историографический анализ, который он сделал в рецензируемой работе, можно назвать таковым только с очень большой долей энтузиазма. В-третьих, тот корпус источников, который собрал автор для раскрытия своей темы, нельзя признать

репрезентативным. Более того, он не знает азов источниковедения и с источниками работать не умеет. В-четвертых, структура книги крайне невнятная, материал расположен практически бессистемно, а иногда даже хаотически. В тексте очень много лишней информации, большая часть которой вообще не относится к исследуемой проблеме.

Часто работы, написанные методологически не совсем безукоризненно, могут быть весьма полезными даже для историков-профессионалов. Причина этого кроется в новизне приводимой в них информации. Но даже с этой точки зрения похвалить работу В.Е. Полякова не за что. Новых фактов он не приводит и новых обобщений не делает. В целом, методологически его монография так и осталась на уровне краеведческих изысканий. А фактически – в периоде «перестройки», мифы и штампы которого с таким удовольствием использует автор. Для кандидата исторических наук, делающего заявку на докторскую диссертацию это, по меньшей мере, несолидно. Поэтому, книгу В.Е. Полякова можно просто принять к сведению, как одно из мнений о партизанском движении в Крыму. Но, и это следует помнить, мнение очень предвзятое и во многом искаженное и ошибочное. Рассматривать же эту работу в качестве научного исследования или, более того, – основы для докторской диссертации, вообще бессмысленно. В лучшем случае, ее можно просто читать, но все приводимые в ней факты следует перепроверять.

Примечания:

1. Поляков В.С. Исторична еволюція топоніміки міста Сімферополя: Автореф. дис... канд. іст. наук / Дніпропетр. нац. ун-т. – Д., 2003. – 20 с.
2. Поляков В.Е. Награждение крымских партизан // Культура народов Причерноморья. – 2009. – №154. – С. 106-109; Его же. Национальная составляющая партизанского движения Крыма 1941-1944 гг. // Грани. – 2011. – №6. – С. 20-22; Его же. Доля православної церкви в роки окупації Криму // Гілея. – 2011. – №49. – С. 116-120; Его же. Ветерани партизанської

- боротьби // Гілея. – 2011. – № 50. – С. 167-173; Его же. Комісари в партизанському русі Криму в 1941-1944 рр. // Гілея. – 2012. – № 58. – С. 135-139.
3. Голос Крима (Симферополь). – 23 февраля 2007 г.
 4. Поляков В.Е. Страшная правда о Великой Отечественной. Партизаны без грифа «Секретно». – М.: Яуза-пресс, 2011. – 448 с.
 5. Романько О.В. Борьба за национальное освобождение или гражданское противостояние: к вопросу о националистическом партизанском движении в годы Второй мировой войны // Историческое наследие Крима. – 2006. – № 16. – С. 67-76.
 6. Полный перечень литературы и источников по истории партизанского движения на территории Крима, а также по смежной проблематике, можно найти в этой книге: Романько О.В. Крым под пятой Гитлера. Немецкая оккупационная политика в Крыму 1941 – 1944 гг. – М.: Вече, 2011. – С. 343-366.
 7. Архіви окупації. 1941-1944 / Упоряд. Н. Маковська. – К.: Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2006. – С. 71-86.
 8. См., например: Гогун А.С. Сталинские командос. Украинские партизанские формирования. Малоизученные страницы истории. 1941-1944. – М.: Центрполиграф, 2008. – С. 25-432.
 9. Романько О.В. Борьба за национальное освобождение или гражданское противостояние... – С. 70.
 10. Партизанское движение в Крыму в период Великой Отечественной войны: Сб. документов и материалов / Сост. А.В. Мальгин, Л.П. Кравцова, Л.Л. Сергиенко. – Симферополь: Сонат, 2006. – С. 3.
 11. Кстати, когда писалась эта рецензия, В.Е. Поляков выпустил еще одну статью по партизанской проблематике: Особливості організації і керівництва партизанським рухом у Криму в 1941-1944 роках // Кривзнавство. – 2011. – № 4. – С. 116-121. И в этой, более новой, публикации автор остался верен своей «методологии». Никаких выводов по изложенному материалу нет вообще, а текст обрывается, фактически, на полуслове. Правда, удивляет другое: как в специализированный исторический журнал могла попасть такая откровенная халтура?!
 12. Романько О.В. Крым под пятой Гитлера... – С. 330.
 13. Там же. – С. 51-91.
 14. Там же. – С. 313-334.
 15. Там же. – С. 187-189.
 16. Там же. – С. 238-239.
 17. Медведев Ж.А. Сталин и еврейская проблема: новый анализ. – М.: АСТ, 2004. – С. 67-80.

